

ЛЮДИ ТЕАТРА

Григория Гурвича, художественного руководителя театра-кабаре "Летучая мышь", ведущего телепередачи "Старая квартира", знает все. Его кузина Марка Гурвича, заслуженного работника культуры, уже одиннадцать лет возглавляющего Театр-Центр имени Ермоловой, знают только московские театральные деятели, его коллеги. Директора театров — не звезды. Они сидят в своих кабинетах или мечутся в поисках субсидий, встречаются на городских совещаниях и даже не вывешивают в театральном фойе своих портретов. И напрасно, ведь директор — фигура в театре наиважнейшая, от него все зависит: и пресловутая вешалка, с которой начинался Художественный театр, и зарплаток артистов, определяющий наличие в труппе звезд. Если хвалит, берут интервью — то у режиссера или артиста. Директоров, как ботаники — если не жмут, так и не замечают.

Было бы чересчур банально описывать, как в кабинет Марка Гурвича во время нашего разговора ежесекундно заглядывают люди, звонит телефон. В середине интервью мы сбегали в другую комнату, из которой, к сожалению, уже не просматривалась подкрашенная и обновленная Тверская. Огромное окно директорского кабинета по ономущим мимо людям напоминает пол в рыб аквариум. Ощущаешь себя в гуще, в поиске. Сложнее с художественной жизнью театра: исправно выпускаются спектакли (что по сегодняшнему времени непросто), исправно публикуются статьи и рецензии, на спектакли порой собирается полный зал. Но сегодняшнюю роль ермоловцев в театральном процессе определить непросто.

В 40-50-ые годы Театр им. М.Н.Ермоловой был одним из ведущих. После смерти Н.М.Хмелева в 1946-м году его возглавил режиссер А.М.Лобановский спектакли ("Старые друзья", "Малюгина", "Бещеные деньги" Островского) вызвали зрительский ажиотаж; чуть не доходил до драк.

В 70-ые годы в Театр снова поспешил зритель. Вампилова для столичной публики открыл именно этот театр. Актеры еще помнят, как молодой, голодный, без гроша в кармане Вампилов подолгу засиживался в литкафе, заводит Елена Якушкина подкармливала его и всячески поддерживала. Главный режиссер Владимир Андреев не только ставил, но и сам играл в его пьесах центральные роли.

Следующий лик пришелся на вторую половину 80-ых, когда в Театр пришел новый главный — Валерий Фокин. Это было время острых социальных дебатов и публицистики. "Говори!", "Спортивные сцены 81-го года" стали наимоднейшими спектаклями. Потом ермоловцы разделились надвое — на Театр и Центр — и ни в одной из половин, как и во всем обществе, социальная струя не бьет с былой силой.

— Марк Абрамович, как охарактеризовать ваш театр в середине 90-х?

— Ни один директор никогда не сможет объективно оценить ситуацию у себя внутри. Даже прошлые годы я не взял на себя смелость комментировать, поскольку работаю в театре не с 1946-го, а всего лишь приблизительно представляю, каким он был в 70-ые. Встаньте на секунду на мое место: дать характеристику прошлому значит взять на себя обязательство сказать о будущем. Директор не может работать, не разделяя творческую программу своего театра. Он обязательно находится в творческой зависимости у художественного руководителя. А у нас в одной половине, в Центре, творческие вопросы решаются худождеством. Казалось, есть труппа, здание. Чего еще? Приглашай режиссеров из Москвы или с периферии — и существуй. Ситуация, вроде, идеальная, но даже в прошлом я не знаю ни одного положительного примера. Театры приходят к тому, что не могут жить без художественного руководства, хотя Центр Ермоловой так существует уже четыре года. Наш театр — единст-

венный в своем роде, где на одном пространстве, под одной крышей работают два самостоятельных творческих коллектива, в администрация и цеха — общие. Но как ни трудно, все же лучше, чем в Театре на Таганке, где не могут прийти ни к какому консенсусу. Проблем существования у творческого состава нет, но масса — у дирекции, и их становится все больше и больше. Сегодня в каждом театре — ужасочение условий. У нас тем более: проблемы удаиваются. Например, в московских театрах три премьеры в год — это неплохо и даже очень

хорошо, слабого нужно прятать за причудливой декорацией и замысловатым костюмом. — Наверное, вас не балуют спонсоры? Кстати, почему вы не пользуетесь случаем с газетной полоской выразить им свою благодарность? Вот "Современник" выскел в камне и установил на фасаде десятка два именов. — У каждого свои способы нахождения внебюджетных средств. У нас в театре спонсоры пополняются редко и не в таком количестве, чтобы приравнять на почетных креслах в партере, что эти места навечно закреплены за таким-то. Мы греблем к другим видам развлекательной хозяйственной деятельности.

— Скажите, Марк Абрамович, Вам сегодня, в период относительной бедности и относительных свобод, работать легче? — Безусловно. Хотя руководству всегда трудно, потому что отвечаешь за всех и всё. Но условия игры изменились. В 86-м началось так называемый "театральный эксперимент". До того мы имели фиксированные цены на билеты и ашлагмовый зал. В театр мог пойти каждый, билет стоил меньше бутылки спиртного. Чтобы заработать деньги, мы играли по 500-600 спектаклей в год. Сейчас — 300-400, и мы сами решаем, сколько и каких. Сами выбираем репертуар. Ориентируемся только на зрителя, который "искусствует поэмами". — Извините, но хочется задать Вам щекотливый вопрос: как получилось, что Театр Ермоловой разделился? — В 84-м Андреев ушел главным режиссером в Малый. Труппа приветствовала назначение главного молодого перспективного режиссера Фокина. Начал он очень ярко, но при нем мы влетели в перестройку, что называется, "с листа". Позже его продолжение о создании театрально-культурного центра многими было воспринято как ущемление прав Театра. Кому-то казалось, что это откроет новые возможности, кому-то — что испортит репутацию Театра с его заморозочным прошлым. Полагаю, что главными были все же не формальные причины, а разные взгляды на дальнейшее существование труппы. Что и привело к расколу.

— Труппа поделилась на людей прошлого и людей будущего? — Это можно будет оценить только в середине следующего тысячелетия, когда напишут подробную историю Театра имени Ермоловой, в которой будет сказано: в начале 90-х годов XX века у коллектива театра разошлись взгляды на свое творческое будущее, и он разделился надвое.

— Можно спросить о личном: как Вы стали директором? — Я родом из Баку. Часто бывал в нашем городском драматическом театре, больше любил читать пьесы. Читал все: и классиков, и современников, а когда в 60-70-е стали появляться новые имена, прочел все пьесы Розова, Арбуза, Володина. Желания работать в театре не было, в театр попал, можно сказать, случайно. Я тогда учился на филфаке МГУ и регулярно подрабатывал. И вот как-то пришел в Театр мимикатор (теперь это "Эрмитаж") монтировщиком декораций. Мне настолько понравилось, что я перешел учиться в ГИТИС на отделение экономики и организации театрального дела, продолжал работать в театре. С тех пор это так и тянется. За всю свою театральную жизнь я работал всего в двух театрах: Миниатюрном и Ермоловой. По 11 лет в каждом.

— Кто в театре главный? — Когда пришел учиться в ГИТИС, я полагал, что главные люди — администрация. Когда закончил, говорил, что опять-таки администрация. Но добавлял: "к сожалению". Ситуация такова, что от энтузиазма директорского корпуса, от его умения выживать вместе с творческим составом в предугадываемых обстоятельствах зависит благополучие не одного конкретного театра, а всей театральной сети города. Можете считать это шуткой.

— Зритель может не разделять на компоненты, но он оценит хорошо музыку, специально поставленные хореографом танцы, изобретательные костюмы — все слагаемые оформления.

— Убранство на сцене, безусловно, имеет преимущества, но есть замечательные спектакли, сделанные за минимальные деньги. Сильный актер и

Марк Гурвич на фоне портрета Ермоловой

хорошо. А у нас по три на каждой половине — итог шесть. Цеха выдерживают с трудом. Вот сейчас к открытию сезона сразу две премьеры: в Театре Владимир Андреев поставил "Битву Ангелов", Теннесси Уильямса, в Центре молодой режиссер, студент Фоменко Гарольд Стрелков выпустил спектакль "Сон на конце света" по пьесе Елены Греминой. Пьеса написана к юбилею Москвы и стала лауреатом конкурса пьес, посвященного 850-летию.

— Если не секрет, скажите: какая у вас посещаемость? — У нас три сцены: основная, малая и так назы-

ромной массовой, с декорациями Харикова — в результате выигрывают.

— Думаю, дело не в количестве затрачиваемых денег, хотя зависимость между вложенными средствами и полученным результатом есть. Главное — драматургия, режиссура, артисты. Несколько лет назад Институт искусствоведения провел опрос зрителей в трех московских театрах. Билеты тогда стоили около двух тысяч. Респондентам задавали вопрос: что может побудить вас приобрести дорогой билет, скажем, за пять тысяч? Естественно, первая причина была — наличие в спектакле звезд.

ваемая Свободная, там в зале до сотни мест. На посещаемость сильно повлияло то, что у нас три года была закрыта большая сцена. После такого перерыва трудно вернуть зрителя. Хотите конкретные цифры? Пожалуйста: по малым сценам — загрузка 70%, по большой — более 50%.

— А в среднем по Москве?

— По городу цифры примерно такие же, но мне не нравятся эта устаревшая привычка — прятаться за среднее. У одних театров загрузка большая, у других — катастрофически мала. Часто это не вина театра, а его беда. Например, географическое положение...

— Но у Театра-Центра Ермоловой все "в плюсе":